

**ДЕТЯМ
О
ВЛАДИМИРЕ
ИЛЬИЧЕ
ЛЕНИНЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Дорогой друг!

Сегодня ты стал октябрёнком.
Это очень почётно.

Люди смотрят на тебя — октябрёнка и вспоминают Великий Октябрь — нашу революцию.

Люди смотрят на твою октябрятскую звёздочку и вспоминают Владимира Ильича Ленина, нашего вождя.

Люди видят в тебе юного ленинца, будущего пионера, комсомольца, коммуниста — строителя коммунизма.

Набирайся сил и знаний. Хорошо учись. Люби трудиться. Расти поскорее.

Поздравляем тебя!

ЦК ВЛКСМ

Центральный Совет Всесоюзной
пионерской организации имени
В. И. Ленина

**ДЕТЯМ
О
ВЛАДИМИРЕ
ИЛЬИЧЕ
ЛЕНИНЕ**

•
**СТИХИ
И
РАССКАЗЫ**

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ!

Н. К. Крупская

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

— Папа, расскажи мне про него.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это Ленин.

— Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь. Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжёлая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул, а жил он ох как богато!

Откуда всё было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало — прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было.

Вот и приходилось к нему на работу идти. Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними

был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочими. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов.

Партия видела, что без борьбы ничего не добьёшься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далёкую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издали писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов.

Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки.

Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся всё делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

М. Дудин

ЛЕНИН

Пылают звёзды на Кремле.
Их свет горяч и неизменен.
Для всех людей на всей земле
Звучит надеждой слово «Ленин».

Когда приходит в первый класс
Простой веснушчатый мальчишка,
Он это слово первый раз
Читает в самой первой книжке.

Войдёт он в мир труда и света,
И нет того пути светлей.
Он будет ленинцем — а это
Всего прекрасней на земле.

М. Прилежаева

РАДОСТЬ

Над Симбирском заливаются жаворонки. Звенят в небе над Волгой. Волга круто повернула у города, несёт к югу глубокие воды. Льды недавно прошли. С высокого симбирского берега видны луга, синие дали. Плывёт по Волге пароход.

«Белый пароход, куда ты плывёшь?» — «Далеко, к морю Каспию».

В Симбирске весна. Слышно, как хором щебечут воробьи.

Все улицы и сады полны птичьим щебетом. В Карамзинском сквере по чёрной клумбе важно расхаживает грач с большим серым клювом. Ветер треплет ветки берёз. На улицах весенняя радость.

И в доме Ульяновых радость. Дом Ульяновых недалеко от Волги. Солнце горячо светит в окна. Доносятся гудки пароходов.

Мама нагнулась над колыбелью. В колыбели сын. Мама глядит на него с задумчивой лаской: «Кем ты будешь? Какая тебя ждёт судьба?»

Вошёл отец. Илья Николаевич Ульянов — инспектор народных училищ Симбирской губернии. У него важная работа. Хорошо ли учителя учат ребят? Илья Николаевич

помогает, советует учителям, как лучше учить. Добивается, чтобы как можно больше было новых народных школ в Симбирской губернии. Заботится, чтобы вдоволь было для школьников книг и учебников. Очень полезная для народа работа у Ильи Николаевича!

— Машенька! — позвал он, входя. — Добрый день, Маша, милая!

Вместе с отцом пришли к маме старшие дети — Анюта и Саша. Темноглазой, курчавой Анюте шесть лет. Саше — четыре.

Полные любопытства, они приблизились к колыбели.

— Дети! — сказал Илья Николаевич. — У вас родился брат. Любите его.

— Какой маленький! — удивилась Анюта.

— Подрастёт, будет большим, — ответил отец.

— А как его зовут? — спросил Саша, поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше увидеть младшего брата.

— Назовём Володей, — ответила мама.

— Хорошо, пусть будет Владимир, — согласился отец.

— Хорошо! — согласились и дети. — У нас брат Володя!

22 апреля 1870 года в городе Симбирске на Волге появился на свет новый человек, Владимир Ульянов, который станет после великим Лениным.

3. Воскресенская

МАМА!

*Мама!
Самое прекрасное слово на земле —
мама.*

Это первое слово, которое произносит человек, и оно звучит на всех языках мира одинаково нежно.

У мамы самые добрые и ласковые руки, они всё умеют. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нём никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остаётся равнодушным.

И сколько бы ни было тебе лет — пять или пятьдесят, — тебе всегда нужна мать, её ласка, её взгляд. И чем больше твоя любовь к матери, тем радостнее и светлее жизнь.

«Мамочка!» — ласково называл Владимир Ильич свою мать в детстве.

«Дорогая мамочка», — обращался он к ней в письмах из тюрьмы, из ссылки, из эмиграции.

«Берегите нашу мамочку, не оставляйте её одну», — напоминал он сёстрам и брату.

Мать Владимира Ильича Ленина, Мария Александровна Ульянова, прожила большую жизнь — восемьдесят один год. Она не состояла в организации революционеров, царские жандармы не заключали её в тюрьму, не угоняли в ссылку. Но она воспитала всех своих детей революционерами и сама стала их верным единомышленником. Дети ей отвечали большой любовью, вниманием и заботой.

В Ленинграде, на Волковом кладбище, на могиле Марии Александровны всегда живые цветы. Люди приносят их в знак благодарности и глубочайшего уважения к великому жизненному подвигу этой замечательной русской женщины, подарившей миру его гения — Владимира Ильича Ленина.

3. Воскресенская

СЕКРЕТ

В конце февраля в доме Ульяновых на антресолях поселялся Секрет. Он был беспокойный: стучал молотком, тархтел швейной машинкой, визжал, как пила, и похрипывал, как лобзик.

Стоило детям в столовой хоть на минуту остаться без родителей, Секрет соединял их головы и начинал таинственно шептать. С появлением мамы он исчезал, и дети садились по местам с самым равнодушным видом.

Аня, Саша, Володя и Оля дали друг другу слово не выдавать Секрет папе и маме. Но были ещё Маняша и Митя. На Маняшу можно положиться — ей два года, а Мите хоть и шесть, но он никак не мог смириться с тем, что о Секрете не должна знать мама. Вечером Митя не вытерпел, подошёл к маме и прошептал:

— Мамочка, а у нас есть Секрет. Хочешь, скажу?

— Нет, я слушать не буду. Секрета выдавать нельзя, его надо беречь.

По вечерам мама не заходила к детям наверх, чтобы не столкнуться с Секретом. Она сидела в столовой, вязала и улыбалась. Когда Аня попросила разрешения оставить себе деньги, заработанные за уроки, мама не спросила, зачем они ей понадобились. Она даже не заметила, что швейная

машинка переехала из столовой в Анину комнату. Папа сидел у себя в кабинете и, заткнув уши, работал, чтобы не слышать, как Секрет стучит на весь дом. За ужином родители не замечали ни золотистых стружек, запутавшихся в кудрях Володи, ни прядей цветных ниток на шее у Оли, ни перемазанного красками лица Мити. И папе почему-то в эти вечера не хотелось сыграть с Сашей в шахматы...

Только часы ни с чем не считались. Им не было дела ни до какого Секрета. Вечером они не забывали пробить девять раз и напомнить, что детям пора спать.

Приближалось шестое марта — день рождения мамы.

Накануне этого дня Секрету нужно было спуститься с антресолей вниз, и мама с папой ушли к знакомым.

Саша с Володей принялись натирать воском крашенные полы и чистить себе и сёстрам ботинки. И полы и ботинки засверкали как зеркальные. Аня и Оля крахмалили, наглаживали братьям рубашки и себе ленты. Митя наводил порядок в ящиках с игрушками. Только Маняша сидела в детской, и, чтобы ей не было скучно, Оля дала ей поиграть со своим Секретом. И когда всё было готово и до прихода родителей оставались считанные минуты, разразилась беда. Оля с плачем прибежала к Ане:

— Смотри, что Маняша натворила. Где она только ножницы разыскала?

Аня ахнула, и сёстры побежали к братьям за помощью. Володя увидел заплаканное лицо Оли, вынул из кармана платок, вытер ей слёзы.

— Не плачь, — уговаривал он свою подружку. — Саша сейчас что-нибудь придумает.

Саша не умел огорчаться и нашёл выход даже сейчас, когда Секрет, казалось, был непоправимо искалечен.

Саша принялся рисовать. Аня подбирала нитки. Володя вдевал нитку в иголку. Оля вытерла глаза и взялась за работу. Теперь Олин Секрет стал ещё красивее.

Шестого марта Секрет заставил маму спать дольше обычного, чтобы дети ушли в гимназию до того, как она проснётся.

Уроки в этот день тянулись необыкновенно долго. Зато когда они закончились и Саша с Володей встретились у женской гимназии с сёстрами, чтобы вместе идти домой, всем им показалось, что солнце светит совсем по-весеннему и улицы сверкают в праздничном инее, а Володя прислушался и нашёл, что галки сегодня поют, как скворцы.

В доме чувствовался праздник.

Мама, в своём лучшем платье, сидела с папой в столовой и ждала детей. Сверху доносился весёлый шум.

И вот они, шестеро детей, спускаются по лестнице и тремя парами входят в столовую. Впереди идут Маняша с Митей, за ними Оля с Володей и Аня с Сашей. У каждого за спиной свой Секрет, который они сейчас откроют маме.

Вошли в комнату, остановились. Шесть пар сверкающих глаз с восхищением смотрят на свою маму. Она сегодня такая красивая! Ей так идёт синее платье с белым воротничком и волосы, белые, как кружево, над высоким лбом! Добрые губы улыбаются, и в карих глазах поблёскивают солнечные искры. Папа в парадном сюртуке стоит за стулом мамы, сияющий, торжественный. Аня вышла вперёд.

— Дорогая наша мамочка, — говорит она звонким голосом. — Мы поздравляем тебя с днём рождения. Желаем, чтобы ты всегда была здорова, всегда счастлива, всегда улыбалась.

— Спасибо, дорогие мои, спасибо! — У мамы срывается голос, в глазах блещут слёзы.

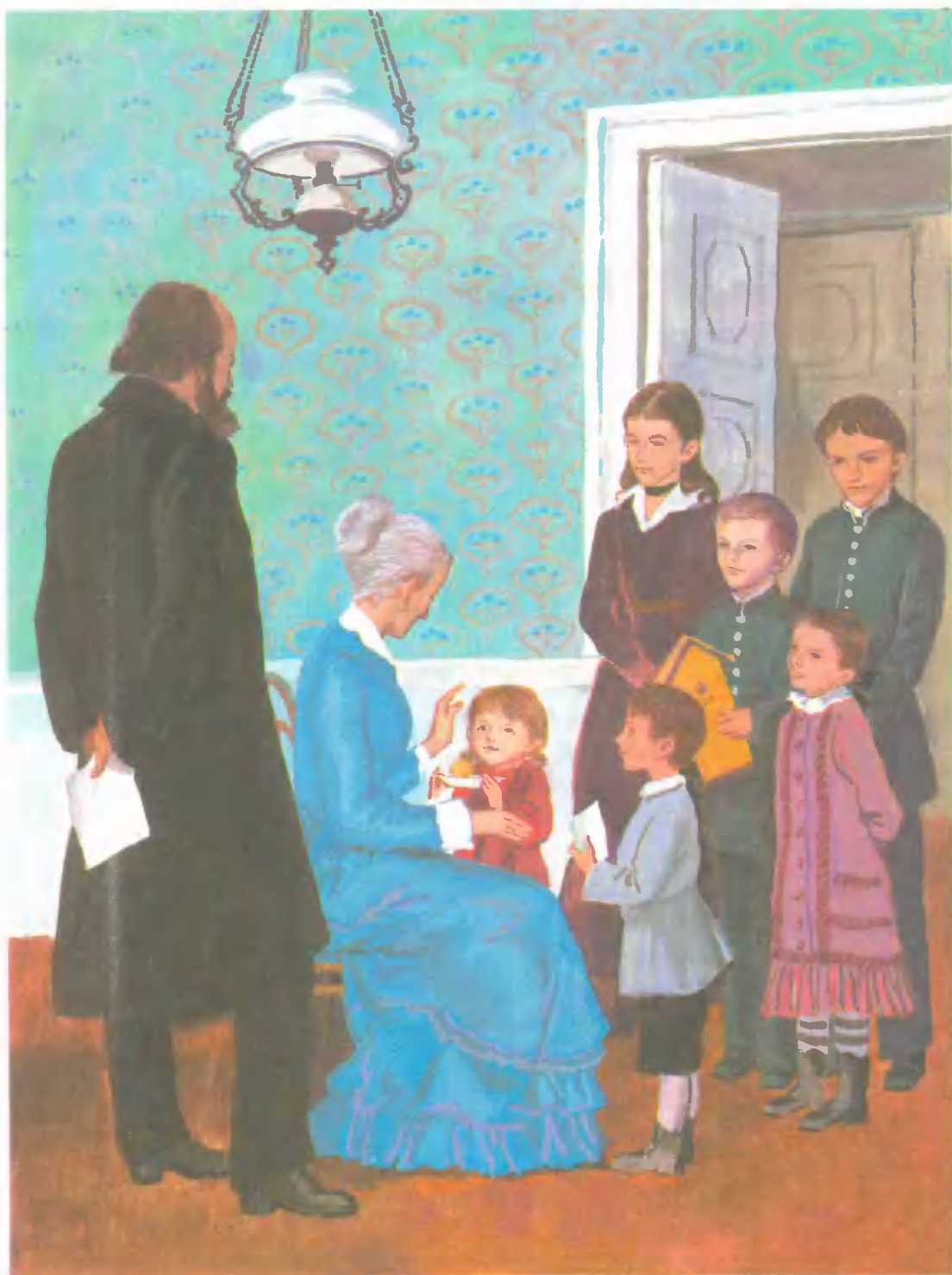
— Маняша, иди, — шепчет Аня.

Маняша бежит к маме, подаёт на блюдечке крохотный колобок. Она сама его состряпала.

— Попробуй, — предлагает она маме и живо взбирается к ней на колени.

— Ах, как вкусно! — Мама откусила кусочек, а остальное Маняша запихала себе в рот.

Митя, выпятив нижнюю губу, несёт на ладонях конверт, разрисованный диковинными цветами и неведомыми зверюшками. Все самые яркие и весёлые краски и всё своё умение вложил Митя в рисунок. А как старательно

выведены на листке четыре слова: «Дорогая мамочка. Поздравляю! Митя». Мама прочитала вслух и передала письмо папе:

— Смотри, какое чуждое поздравление!

И папе очень понравился Митин подарок.

Оля положила маме на колени думочку. На зелёной подушке пестрели вышитые полевые цветы и в середине большой красный мак.

— Очень красивая подушка, — залюбовалась мама, — настоящий весенний луг. — Особенно понравился маме мак. — Этот лепесток словно ветром отвернуло, и мак совсем как живой.

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная Маняшей.

Маняша взглянула на подушку и уткнулась с виноватым видом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки.

Понравится ли маме его подарок? Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нём поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама. — В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Саша развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет, это когда-то была дощечка, а лобзик и пилка в руках Саши превратили её в тонкое кружево с красивыми зубцами и причудливо изогнутыми веточками и листьями.

— Это дощечка для резки хлеба, — сразу поняла мама. — Как раз мне её и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду её очень беречь.

Наконец пришла очередь Ани. Она раскрыла свой Секрет. Тёплая байковая кофточка, жёлтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок.

Сама скроила и сшила. Мама примерила кофточку и не захотела её снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся:

— Это господин Секрет убежал. Ему теперь нечего здесь делать.

И сразу стало шумно и весело. Шестеро детей уселись за стол. Мария Александровна села у самовара, Илья Николаевич — на другом конце стола.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

Дети вспомнили, как в зимний вьюжный день папа водил их всех фотографироваться, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась, когда фотограф накрылся чёрной пелёнкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа. — Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. Мы тоже крепко любим её.

А. И. Ульянова

В ГИМНАЗИИ

В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс. Готовили его к ней две зимы — сначала учитель, а потом учительница городского училища, самого близкого от нас...

Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших брата с сестрой, к усидчивости, к точному и внимательному исполнению заданного. Учителя говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда внимательно слушает объяснения урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и дома ему приходилось лишь немного повторить его...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигур-

кой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что в нём не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

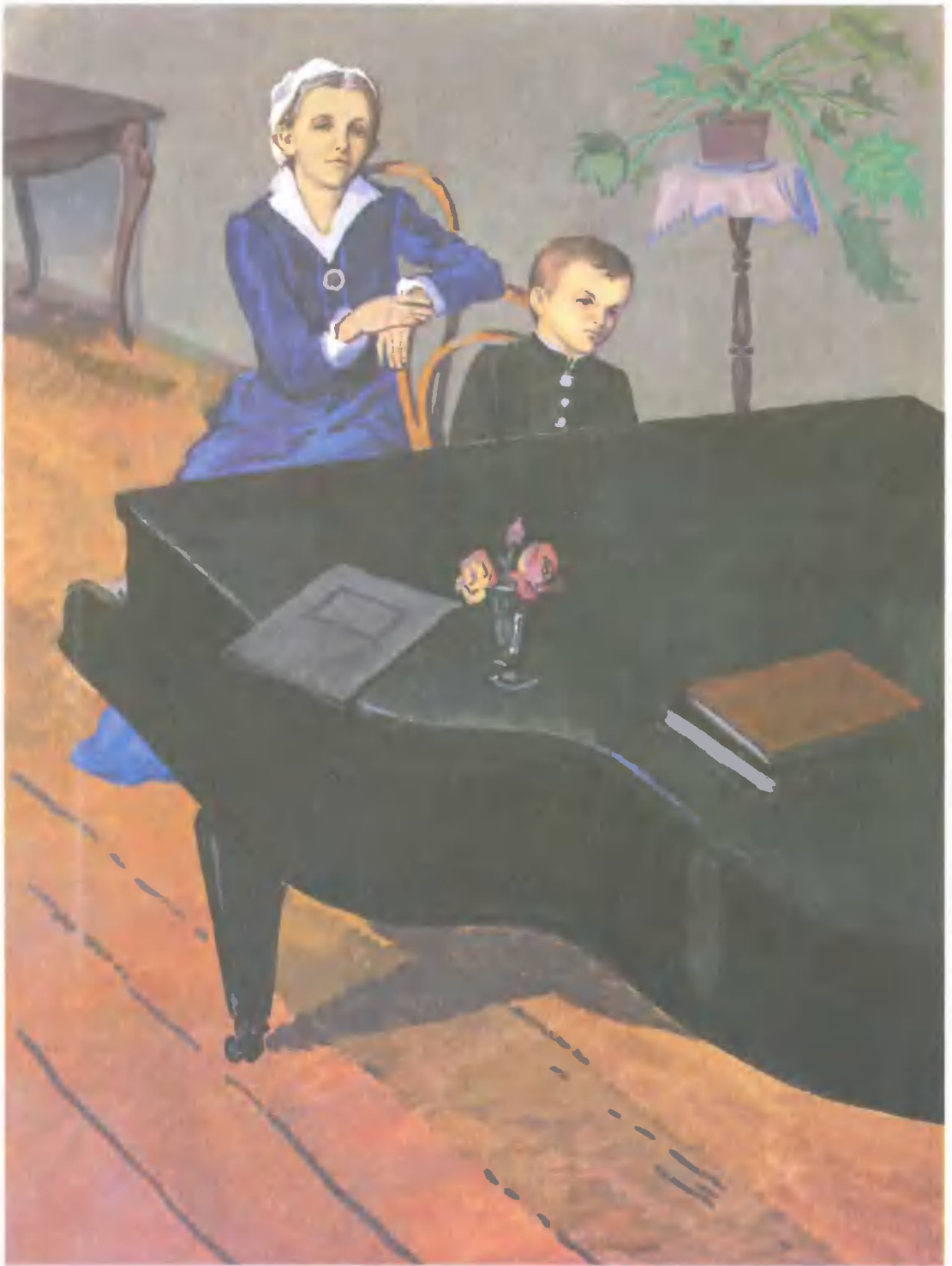
Но Володя любил и посмеяться. Когда собирались его сверстники или в семье с меньшими (Олей и Митей), он был коноводом всех игр. И каждый день слышался его смех и неистощимый запас шуток и рассказов.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница городской школы и близкая знакомая нашей семьи, рассказывает в своих воспоминаниях, какое весёлое настроение царило у нас обычно, когда вся семья собиралась к вечернему чаю. «И всех громче, — говорит она, — звучали голоса Володи и его второй сестры, Оли. Так и раздавались их звонкие голоса и заразительный смех». Они рассказывали о разных происшествиях в гимназии, о разных проделках, шалостях. Отец был тоже не прочь поболтать с нами и, оставляя в кабинете серьёзные дела, рассказывал о своих гимназических годах, о различных случаях с его товарищами, разные шутки и анекдоты из школьной жизни. «Все смеются, всем весело. И хорошо чувствуется в этой дружной семье», — пишет Кашкадамова.

Некоторые проказы Володи остались у меня в памяти. Так, приехала к нам двоюродная сестра, женщина-врач. В то время женщины-врачи были редкостью. Эта двоюродная сестра была одной из первых. Сидит она в зале и разговаривает с отцом и матерью. У двери в залу смех, шушуканье. Вбегает Володя и бойко обращается к гостье:

— Анята, я болен — полечи меня.

— Чем же ты болен? — снисходительно спрашивает молодой врач, видя, что мальчик шалит.

— Никак не могу досыта наесться: сколько ни ем, всё голоден.

— Ну, пойдй на кухню, отрежь ломоть ржаного хлеба во весь каравай, посоли покруче и съешь.

— Я уже пробовал — не помогает.

— Повтори это лекарство, тогда наверное поможет.

Володе остаётся только ретироваться.

Любил Володя и музыку. Мама показала ему начальные упражнения, дала ему разыграть несколько простеньких детских песенок и пьесок, и он стал играть очень бойко и с выражением. Мать жалела потом, что он забросил музыку, к которой проявлял большие способности.

В старину был обычай весной выпускать на волю птичек. Володя любил этот обычай и просил у матери денег, чтобы купить птичку, а потом выпустить её.

Любил маленький Володя ловить птичек, ставил с товарищами на них ловушки. В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж, отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку, или нет.

Помню только, что кто-то упрекнул его в этом, и помню серьёзное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мёртвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их.

Бегал он и рыбу ловить удочками на Свягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, — рассказывает этот товарищ, — если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать на Свягу».

Но, занимаясь в детстве ловлею рыб и птичек, Володя не пристрастился ни к тому, ни к другому и в старших классах гимназии не рыбачил и не ставил ловушек на птиц. И на лодке с Сашей, когда тот приезжал на лето из университета, он обычно не ездил, а ездил младший брат Митя, который очень любил сопровождать Сашу в его разъездах по Свияге в поисках разных червей и всяких водяных жителей. Саша занимался естественными науками, ещё будучи гимназистом, а в университете поступил на естественный факультет и в летнее время занимался исследованиями, готовил материал для своих сочинений...

Отношения с товарищами в классе у Володи были хорошие: он объяснял непонятное, исправлял переводы или сочинения, а иногда помогал затруднявшимся товарищам писать их. Он рассказывал мне, что его интересовало помочь так, чтобы товарищ и отметку получил хорошую и чтобы не похоже было на то, что ему кто-нибудь помогал писать, — особенно чтобы не было похоже, что помогал он, Володя. Он объяснял товарищам непонятное в перемены, приходил, как и брат его Саша, иногда в гимназию на полчаса раньше, чтобы перевести для них трудное место с греческого или латинского или объяснить сложную теорему. Весь класс надеялся на Володю: идя впереди, он и другим помогал учиться.

В. Д. Бонч-Бруевич

ВАЛЕНКИ

Ленин отбывал ссылку в далёком сибирском селе Шушенском. Это было в те годы, когда создавалась наша партия. Чтобы собрать лучших людей в партию, создать её, Владимир Ильич и в ссылке много работал. Он писал об этом статьи. Статьи надо было переправлять товарищам, которые находились на воле и могли их напечатать в нелегальной газете. Но как? — вот был мучительный вопрос. Долго думал Владимир Ильич, как провести полицию и жандармов, и наконец придумал. Он решил зашить статьи между подмётками валенок и отправить их старой революционерке Лидии Михайловне Книпович, которая жила в Астрахани под надзором полиции.

У Книпович было несколько партийных кличек: «Дяденька», «Дедов», «Бабушка». Она действительно была старше нас всех. Владимир Ильич очень уважал её за преданность делу, за смелость в решении самых рискованных партийных дел. Он знал, что «Бабушка» догадается извлечь статьи из валенок и передаст их товарищам, которые сумеют их напечатать.

Много позднее Книпович рассказывала мне:

— Был жаркий весенний день. Стучится ко мне почтальон и вручает извещение о посылке. «От кого это?» —

думаю. Собираюсь и бегу на почту. Предъявляю повестку. Через несколько минут выносят посылку. Беру посылку и вижу: она из Минусинска. Фамилия отправителя мне неизвестна. Что за оказия? Прихожу домой, торопливо вскрываю посылку и вынимаю поношенные, но ещё крепкие валенки. Заглядываю внутрь и достаю письмо, написанное незнакомым мне почерком. Читаю...

И Книпович подробно пересказала мне своими словами письмо Владимира Ильича:

— «Дорогая бабушка, очень нас беспокоит Ваше заболевание ревматизмом. Доктора советуют при этой серьёзной болезни всегда держать ноги в тепле. Мы знаем, что у Вас нет тёплой обуви, и боимся, что Вы простудитесь. В Астрахани всегда сыро от моря и туманов и погода крайне переменчива. Носите, пожалуйста, валенки и не простужайтесь. Валенки ещё хорошие, тёплые, подошвы двойные. Мы здесь в Сибири их всегда носим и очень довольны. Мы, слава богу, живы, здоровы, чего от всей души и Вам желаем. Надя шлёт Вам поклон и привет. Всегда вспоминает Вас, поминая добрым словом. И я желаю Вам всего наилучшего». А дальше подпись с росчерком, которую нельзя разобрать. Я сразу догадалась, что эта посылка от Владимира Ильича. «Но почему валенки?» — думала я. Тщательно их осмотрев, я решила отпороть подошву. Заперла комнату на крючок, отошла в самый дальний угол, чтобы меня не было видно из окна, и стала бережно отпарывать подошву. Отворачиваю войлок и вдруг вижу уголок белой бумаги. Я заторопилась и вытащила тоненькие, мелко исписанные листочки. Я узнала почерк Владимира Ильича. Это были его статьи и письмо в редакцию газеты. Так вот почему Ильич прислал мне валенки!

Я спрятала статьи в потайное место под полом. А валенки стала носить, объясняя соседям, что так велел доктор, чтобы не застудить ноги. Статьи мне удалось переправить в надёжные руки...

А. Сурков

* * *

Покончив с тревогами жизни подпольной,
С восставшими радость победы деля,
Он прибыл, как было условлено, в Смольный,
Чтоб, именем партии, встать у руля.

Вот он по ступенькам взбежал торопливо.
Вот он, сквозь толпу продираясь, идёт.
Его узнают, улыбаясь счастливо,
Жмут руку ему, пропускают вперёд.

В гремящем овацией актовом зале
Так тесно, что яблоку негде упасть.
...Тут всем, кто стоял в коридоре, сказали:
— Ильич объявляет Советскую власть!

А. Кононов

НА МОСТУ

Восстание началось ночью.

Ночь была чёрная, грозная. Фонари на улицах не горели. На Неве тёмной громадиной высился большевистский крейсер «Аврора». Огни на нём были погашены, а дула орудий повернуты к Зимнему дворцу.

В темноте раздавались далёкие выстрелы, трещали мотоциклы, с грохотом носились по мостовой грузовики; на них стояли с винтовками солдаты и матросы.

Горели костры на улицах. Красногвардейцы грелись у огня, негромко переговаривались, ждали приказа наступать.

Отряды вооружённых рабочих к этому времени уже заняли все мосты через Неву.

На одном мосту стоял молодой петроградский рабочий Андрей Крутов. Вместе с ним охраняли мост ещё восемь бойцов — красногвардейцев и матросов. Командовал ими старый большевик, которого все звали Василием Ивановичем.

Два раза за ночь мост обстреливали юнкера, но красногвардейцы отогнали их выстрелами, не сходя с места. Через мост можно было пройти только по особым пропускам.

Но у одного человека пропуска не было, и всё-таки его пропустили. Когда он подошёл ближе к заставе, Василий Иванович шагнул к нему с револьвером в руке и спросил строго:

— Ваш пропуск!

Человек остановился и отогнул поднятый воротник пальто.

Щека у него была туго обвязана платком.

Он негромко сказал что-то Василию Ивановичу. Тот посторонился и взял под козырёк.

Человек с подвязанной щекой прошёл быстрыми шагами мимо Андрея на мост и скрылся в темноте.

А начальник заставы вернулся на своё место, стал рядом с Андреем.

Он не сказал ни слова и всё поглядывал в ту сторону, куда ушёл незнакомец. Там, за рекой, по временам глухо гремели выстрелы.

Наконец Крутов не вытерпел и спросил:

— Что ж, показал он тебе пропуск?

Василий Иванович ответил медленно:

— Нет. Он не успел его получить. Он скрывался всё время... Сперва в Финляндии, потом здесь. А сейчас вот идёт в Смольный.

Потом Василий Иванович добавил, и Андрею почудился в его голосе страх:

— Подумать только: он прошёл сюда мимо вражеских отрядов. Его же могли... ты понимаешь, его могли убить!

В первый раз слышал Андрей, что его командир говорит таким голосом.

Он заглянул Василию Ивановичу в лицо и спросил:

— Да кто это был?

И командир красногвардейской заставы ответил:

— Владимир Ильич Ленин.

В. Д. Бонч-Бруевич

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

Первые дни Октябрьской революции. Петроград в волнении. Все чего-то ждут. Смольный кипит народом...

Здесь, в Смольном, расположился главный штаб большевиков: Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич. Он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивал их обо всех событиях дня и больше всего — о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно в неё стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных. Они, очевидно, заметили, что именно сюда идёт много народу, что здесь действует руководящий центр восстания.

Необходимо было ввести надёжную охрану.

В одной из комнат Смольного расположилось более пятисот вооружённых рабочих. Это были красногвардейцы. Для охраны решено было отобрать из них человек семьдесят пять.

Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдаёт чёткую команду:

— Стройся!

Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Командир сообщает, что нужно семьдесят пять человек, готовых на всё, даже на смерть.

Весь отряд сделал шаг и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему.

— В случае чего...— хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуск? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищённо сказал он.

Часовые стали у входной двери снаружи и внутри комнаты. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ всё прибывал и прибывал.

* * *

Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада Зимнего дворца, в котором засели юнкера, охраняющие Временное правительство, затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему.

Полк залёг около самого дворца.

Подожли матросы. Они сразу же, не останавливаясь, быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и заняли подступы к Зимнему. Начался штурм. Он продолжался несколько часов.

Увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев, матросы сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения.

На Неве пришвартовался крейсер «Аврора». Ему дано было распоряжение повернуть орудия на дворец. Такое же приказание получила и Петропавловская крепость.

Пушки «Авроры» и Петропавловской крепости возвестили о начале штурма.

Красногвардейцы, матросы и солдаты заняли главнейшие пункты Зимнего — лестницы, ходы и выходы. В эту ночь, с 25 на 26 октября, Зимний дворец был взят революционными войсками. Временное правительство было арестовано и отправлено под караулом в Петропавловскую крепость. Керенский, переодевшись в женское платье, тайным ходом вышел из Зимнего дворца и бежал в автомобиле американского посольства.

* * *

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в чёрную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к двум красногвардейцам, стоящим на часах у дверей.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение!..

Часовой оборачивается и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... прибыл курьер. Без пропуска... В штаб. Требуется Ленин.

Вышел разводящий. Спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идём...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты. — Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит:

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?

Самокатчик с любопытством смотрит на Владимира Ильича; глаза его радостно поблёскивают. Он быстро отстёгивает клапан у сумки, достаёт листок бумаги, бережно подаёт его Владимиру Ильичу, берёт под козырёк и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ,— говорит Владимир Ильич и протягивает ему руку.

Тот смущён и жмёт руку Владимира Ильича обеими руками. Улыбается, снова берёт под козырёк, резко, по-военному, поворачивается кругом и бодрым шагом уходит.

На ходу он кладёт в сумку листок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич.

— «Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, Керенский бежал!» — вслух быстро читает Владимир Ильич донесение.

И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура! — неслось повсюду.

* * *

Часа в четыре ночи мы, утомлённые, но возбуждённые, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы.

Мы вышли из Смольного. Город был не освещён. Мы сели в автомобиль и поехали ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подрёмывал в автомобиле. Поужинали кое-чем. Я постарался предоставить всё для отдыха Владимира Ильича. Еле удалось уговорить его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лёг в соседней комнате на диване и решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Для большей безопасности я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привёл в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича,— всего можно ожидать!

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть»,— подумал я.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, убедившись, что я «сплю», тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого

не разбудить, подошёл к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги! Всё это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечёркивал, читал, делал выписки, опять писал и наконец, видимо, стал переписывать начисто.

Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лёг в постель и заснул. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, объяснив, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлён.

Вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты, одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шутливый.

— С первым днём социалистической революции,— поздравил он всех.

На его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряжённого двадцатичасового трудового дня.

Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочёл нам свой знаменитый Декрет о земле, над которым он работал в эти решающие дни.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах.

Вечером, на Втором Всероссийском съезде Советов, после принятия Декрета о мире Владимир Ильич с особой чёткостью вслух прочёл Декрет о земле, с восторгом, единогласно принятый съездом.

М. Светлов

РОДНОЕ ИМЯ

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ.
И как самое близкое слово
Имя Ленина в сердце живёт.

И Советская наша держава,
И великих побед торжество —
Это Ленина гений и слава
И бессмертное дело его.

Мы в работе большой не устанем!
И сильнее нашей Родины нет,
Если партии тёплым дыханьем
Каждый подвиг народа согрет.

В. Д. Бонч-Бруевич

СОВЕТСКИЙ ГЕРБ

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов, — герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Михайловичем Свердловым, Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы, внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно!.. — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас. — Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны

и белогвардейцев и интервентов. Но насилие не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда... Когда будет провозглашено и осуществлено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч... — И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке. — А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнаркоме. Надо это сделать поскорее...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Я передал проект герба художнику Андрееву, находившемуся в кабинете Ленина. Он в то время лепил Владимира Ильича, тихонько сидя на диване. Андреев перерисовал герб, сделал всё как-то рельефней, выразительней и, конечно, удалил меч.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исправленный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён 19 июля 1918 года.

В гербе Советского Союза тоже есть и серп, и молот, и золотые снопы в лучах восходящего солнца. Под этими счастливыми символами мира и труда живёт советский народ, с ними он идёт в коммунизм.

Ф. Солодов,

курсант Первых
Кремлёвских пулемётных курсов

НА СУББОТНИКЕ

Первое мая — день боевой международной пролетарской солидарности — в 1920 году в нашей стране было объявлено днём Всероссийского субботника. В этот день работали всюду.

В то время я был курсантом Первых Кремлёвских пулемётных курсов. В Кремле, кроме нас, курсантов, работали на субботнике сотрудники ВЦИКа и Совнаркома.

...Нашей группе пришлось работать на Ивановской площади, у памятника Александру II; здесь же работал и Владимир Ильич. Вначале Ленин работал с комиссаром курсов Борисовым, потом напарником у него стал курсант Пермяков. Они носили пяти-шестиметровые брёвна. Курсант, зная состояние здоровья и возраст Ленина, старался брать утолщённый конец бревна. Ильич это быстро заметил и стал опережать курсанта. Тогда курсант сказал Владимиру Ильичу:

— Зачем вы это делаете? Ведь я моложе вас, и для меня эта тяжесть больших трудов не составляет.

Ленин, усмехаясь, ответил курсанту:

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Когда перенесли брёвна, стали носить огромнейшие дубовые кряжи. Их переносили на палках по шесть человек. На этот раз мне посчастливилось несколько раз работать в одной группе с Лениным. Почему несколько раз, а не всё время? Да потому, что каждому хотелось поработать с Ильичём, и почти после каждого перекура курсанты менялись.

Когда мы носили дубовые кряжи, со всех лил пот: кряжи были очень тяжёлые, а день был жаркий. Однако Владимир Ильич всегда старался быть впереди и брать то, что тяжелее. Мы не могли равнодушно смотреть на это, но он и слушать не хотел наших уговоров. Тогда один из нашей группы подошёл к Ленину и сказал:

— Владимир Ильич, зачем вы это делаете? Идите лучше в Совнарком. Ведь вас там, наверное, ждут, а здесь мы и без вас управимся.

Владимир Ильич сильно обиделся. Он несколько раз прошёлся туда и обратно, потом подошёл к этому товарищу, взял его за плечи, громко рассмеялся и сказал:

— Зря вы, батенька мой, выпроваживаете меня. Всё равно ничего из этого не выйдет: я не уйду. Сейчас эта работа самая важная.

Работать с Владимиром Ильичём было очень легко и хорошо. Он был очень внимателен и каждого из нас спрашивал:

— А вы, товарищ, не устали?

Ильич много шутил и заразительно смеялся. Наши робость и стеснительность, появившиеся вначале, исчезли. Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно.

Как-то во время отдыха все сели на бревно. Сел с нами и Владимир Ильич. Мы закурили. Ильич посмотрел на нас и сказал:

— Ну, что вы в этом куреве находите хорошего? Ведь табак — это яд. Он разрушает ваше здоровье.

А мы в свою очередь спросили его:

— А вы, Владимир Ильич, когда-нибудь курили?

— Да, в юношеские годы как-то закурил, но бросил и больше этим не занимался.

Владимир Ильич ушёл с работы до окончания субботника, так как за ним пришли и сказали ему, что пора ехать на закладку памятника Карлу Марксу. Уходя, Ильич попрощался с нами, пожелал успешно закончить работу.

Так работал Ленин в этот исторический день, подавая личный пример дисциплинированности, трудолюбия, настоящего товарищества.

А. Кононов

ПОЕЗДКА В КАШИНО

В 1920 году жители деревни Кашино выстроили у себя электрическую станцию. Тогда это было очень трудное дело: не было самых нужных материалов; гвоздь и тот стал в деревне редкостью.

И вот в такое время кашинские крестьяне сами, своими силами, по своему собственному желанию, начали строить электрическую станцию. Достали с большим трудом несколько мотков телефонного провода. Он был очень толстый, крученный из проволоки. Его разостлали по земле и стали раскручивать щипцами, клещами и просто голыми руками. Раскрутили — получилось много проволоки.

Из лесу привезли брёвна, распилили на столбы, гладко остругали. Теперь надо было добывать электрическую машину — динамо.

Если в те времена нелегко было купить гвоздь, то каких же трудов стоило достать динамо-машину!

Поехали кашинские крестьяне в Москву. И куда бы они ни приходили, начинали разговор с того, что вот у Ленина есть план — провести электричество по всей стране; они, значит, по этому ленинскому плану и действуют.

И хоть не сразу, а добились кашинцы своего: получили динамо-машину.

Привезли её в Кашино, поместили в большом сарае.

Поставили по всей улице столбы, натянули проволоку, в каждую избу дали по электрической лампочке.

Когда всё было готово, послали письмо Ленину — пригласили его на открытие электростанции.

Письмо послали, а не верилось: где же Ленину приехать, некогда ему...

Всё-таки стали готовиться. В самой большой избе поставили длинный стол, лавки, а всё лишнее — сундуки, кровати — вынесли вон. Наварили, напекли, сколько могли, угощения.

Наступил день открытия электростанции — 14 ноября.

Крестьяне уже и не знали, ждать ли Ленина.

И вдруг на дороге показалась легковая машина.

Ребятишки первые побежали навстречу. Машина остановилась. В ней сидели Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Владимир Ильич спросил ребят:

— Где у вас тут электростанция?

Ребята обрадовались:

— Прокати, тогда покажем.

Посадил Ленин ребят в машину, поехали.

У большой избы встретили его крестьяне.

Начался в избе разговор.

Ленин рассказал о победе Красной Армии над белогвардейцами, поздравил крестьян с этой победой.

Стали крестьяне рассказывать ему о своих делах.

Ленин слушал с интересом. Когда рассказчик замолкал, Владимир Ильич его подбадривал:

— Ну, а дальше?

У Ленина была замечательная память: он сразу запомнил, как кого зовут, и потом называл стариков крестьян по имени-отчеству: Алексей Андреевич, Василиса Павловна. Очень это старикам нравилось.

Разговор получился такой интересный и для Ленина и для крестьян, что никто и не заметил — день-то уже кончается. Беспокоился только один человек — фотограф. Он

приехал снять Владимира Ильича вместе с крестьянами и теперь всё думал с тревогой: скоро вечер, снимок, пожалуй, не выйдет — свету мало.

Наконец он решился:

— Владимир Ильич, крестьяне хотели бы сняться с вами.

— А... ну хорошо,— ответил Ленин. А сам продолжал вести разговор.

Прошло ещё минут десять. За окном стало темнеть.

Фотограф сказал с отчаянием:

— Через несколько минут будет уже поздно снимать!

Владимир Ильич поглядел на него. Сниматься не хотелось, но Ленин уважал чужой труд: фотограф приехал из города, потратил время. И Ленин сказал:

— Ну, идите во двор, готовьтесь. Мы с Надеждой Константиновной сейчас выйдем.

Фотограф побежал с аппаратом на улицу, стал устанавливать его. Горе ему было с ребятами: налетели со всех сторон, норовят усесться перед самым аппаратом.

Вышли из избы и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Фотограф усадил их в середине, а кругом стал рассаживать крестьян. Но и тут вмешались ребята: вертелись под ногами, жались поближе к Владимиру Ильичу. Фотограф рассердился: надо, чтобы все сидели тихо, а то снимок будет испорчен.

Владимир Ильич тоже начал уговаривать ребят — показав им на аппарат:

— Вы вон в ту чёрненькую дырочку глядите.

Стали ребята глядеть в дырочку аппарата. Фотограф накинул на голову длинный чёрный платок и замер так.

Ленин ему сказал:

— Вы мне ребят не заморозьте.

Кругом засмеялись:

— Ничего, они у нас здоровые, выдержат.

Ребята опять зашевелились: разговор про них зашёл. Тут фотограф не вытерпел и закричал:

— Смирно!

Ленин улыбнулся и так, улыбающийся, вышел на фотографии...

Потом открылся митинг. Посреди площади стоял высокий столб, на нём висел новый электрический фонарь; его ещё ни разу не зажигали. Столб был обвит еловыми ветками и красными лентами. Под фонарём стоял столик.

А кругом собрались крестьяне не только из деревни Кашино, но и из других сёл и деревень. Многие пришли сюда издалека.

Ленин подошёл к столику и начал речь:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическую станцию. Замечательное дело! Но это только начало. Наша задача в том, чтобы вся наша республика была залита электрическим светом...

Когда Ленин кончил речь, струнный оркестр сыграл «Интернационал». И в ту же минуту в сарае, где стояла динамо-машина, монтёр пустил ток.

На площади вспыхнул электрический фонарь, в избах разом загорелись огоньки.

Раньше кашинские крестьяне жгли у себя маленькие лампочки-коптилки; они горели еле-еле, тускло, зеленоватым светом. А теперь кто-то сказал, глядя на яркий электрический свет:

— Вот и загорелась у нас лампочка Ильича...

Стал Ленин прощаться с крестьянами.

Попрощался, пошёл к машине. Было совсем темно, холодный ноябрьский ветер дул в лицо.

Когда отъехали уже далеко, Владимир Ильич оглянулся. Позади, среди тёмных полей, ярко светились окна кашинских изб.

А. Твардовский

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шёл пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —

Ведь при царской, прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка лука в огороде.
Сажень улицы в селе,—
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?!
Да сплеча на всю округу
И поехал, и понёс.

Разошёлся.
А прохожий
Улыбнулся; кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь,—
Только это и сказал.

Постоял ещё немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая,—
Знай меня, не лыком шит!
Припугнуть ещё желая:
— Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин,— просто отвечает.
— Ленин?! — Тут и сел старик.

День за днём проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

А по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то? —
Свесил руки:
— Вот он я...

— Собирайтесь! —
Взял он шубу,
Не найдёт, где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идёшь слова...

Сразу слёзы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу, — сказал военный, —
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки прямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котёнка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом, —
Ну, овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Он. В пальтишке. Дышит паром.
Печника тотчас узнал.
— Проходи, знакомец старый, —
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно всё, что было, — прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достаёт инструмент. — Ну-ка... —
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чём причина, в чём беда,
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Всё нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там — Ильич,
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

«Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От весёлой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...»

Так он думает, кладёт
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поёт...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защёлкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал ещё печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.

Ну, а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то всё загнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил.
— Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, —
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идёт — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся, — говорит...

С. Алексеев

СНЕГИРЬ

В Горках. гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, берёзка, у самой берёзки — кусты.

Придёт Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго-долго. Всё смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило кругом дорожки. Ёлки в шубках стоят из снега. Разлетелись птицы. Остались в парке одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот ещё один с розовой. А вот прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был не глухой — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то хлебных крошек принесёт для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Ещё рассвет — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Вообще снегири непоседы. Эти, однако, прижились.

Любуется Ленин на птичку с красной, как знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку, грудку расправит, головку подымет: смотри, мол, Владимир Ильич, — правда, я самый красивый?

— Правда, — ответит Ленин.

Резвится снегирь: прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с берёзки на ёлку, с ёлки на куст. То вспорхнёт, то снова присядет. Пронесётся у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит: вот я какой! Правда, я самый проворный?

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте весёлого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря. Забеспокоился Ленин.

— Что же случилось?

А дело в том, что попался снегирь в силок. Поймал его мальчишка Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстречал Егорку. Мальчик снова пришёл сюда, в парк, и снова силки расставил.

Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский треух, на огромные дедовы валенки.

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой?

«Видел», — хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал, а что, если Ленин спросит: «Так где же снегирь?»

— Нет, не видел, — сказал Егорка.

— Неужели замёрз снегирь? — тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле», — хотел было сказать Егорка. Но тут же осекся.

Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замёрз, замёрз, — сокрушается Ленин. — Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет, — замахал головой. — Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит?!

— Прилетит, прилетит! — закричал Егорка.

Пришёл Владимир Ильич на следующий день к берёзке. Смотрит — прав оказался Егорка, сидит на кустах снегирь. А под берёзкой стоит Егорка.

Посмотрел Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй, — сказал Егорке. — Здравствуй, — сказал снегирю. — Где же ты пропадал?

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с берёзки глянул.

Похолодело в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмёт и всё Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку.

М. Исаковский

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землёй всё шире
Заря встаёт, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны, —
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень, —
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идёшь ли на поля, —
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов,—
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильнее врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;

Чтобы, когда в холодные потёмки
Уйдёшь ты — слеп и глух,—
Твоё бы имя понесли потомки,
Как песню,— вслух.

С. Михалков

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

Рабочий тащит пулемёт.
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Несут отряды и полки
Полотна кумача.
И впереди — большевики,
Гвардейцы Ильича.

Пришёл Октябрь. И свергли власть
Буржуев и дворян.
Так в Октябре мечта сбылась
Рабочих и крестьян.

Далась победа нелегко.
Но Ленин вёл народ.

И Ленин видел далеко,
На много лет вперёд.

И правотой своих идей —
Великий человек —
Он всех трудящихся людей
Объединил навек.

Как дорог нам любой предмет,
Хранимый под стеклом!
Предмет, который был согрет
Его руки теплом!

Подарок земляков своих,
Красноармейцев дар —
Шинель и шлем. Он принял их
Как первый комиссар.

Перо. Его он в руки брал
Подписывать декрет.
Часы. По ним он узнавал,
Когда идти в Совет.

Мы видим кресло Ильича
И лампу на столе.
При этой лампе по ночам
Работал он в Кремле.

Здесь не один рассвет встречал,
Читал, мечтал, творил.
На письма с фронта отвечал,
С друзьями говорил.

Крестьяне из далёких сёл
Сюда за правдой шли,
Садись с Лениным за стол,
Беседу с ним вели.

Жил Ленин в Горках под Москвой
И часто налегке
Ходил тропинкой полевой
И в рощу и к реке.

Он по пути встречал ребят
Из ближних деревень,
И с Ильичём был каждый рад
Гулять хоть целый день.

Сегодня дети тех ребят
Пришли на сбор в музей.
То юных ленинцев отряд —
Отряд ребят-друзей.

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Партии они
Торжественно дают:

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!

Клянёмся ленинским путём —
Прямее нет пути! —
За мудрым и родным вождём —
За Партией идти!»

СОДЕРЖАНИЕ

Н. К. Крупская. Владимир Ильич Ленин	4
М. Дудин. Ленин	6
М. Прилежаева. Радость	7
З. Воскресенская. Мама!	9
З. Воскресенская. Секрет	10
А. И. Ульянова. В гимназии	16
В. Д. Бонч-Бруевич. Валенки	21
А. Сурков. «Покончив с тревогами жизни подполь- ной...»	23
А. Кононов. На мосту	24
В. Д. Бонч-Бруевич. В первые дни Октября	26
М. Светлов. Родное имя	33
В. Д. Бонч-Бруевич. Советский герб	34
Ф. Солодов. На субботнике	36
А. Кононов. Поездка в Кашино	39
А. Твардовский. Ленин и печник	44
С. Алексеев. Снегирь	51
М. Исаковский. У Мавзолея Ленина	54
С. Михалков. В Музее В. И. Ленина	56

Для младшего школьного возраста

Детям о Владимире Ильиче Ленине

Стихи и рассказы

ИБ № 7153

Ответственный редактор М. С. Ефимова. Художественный редактор И. Г. Найденова. Технический редактор Е. М. Захарова. Корректор Э. Л. Лофеифельд. Подписано к печати с готовых диапозитивов 30.11.83. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. офсет. № 1. Шрифт обыкновен. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 3,11. Тираж 600 000 экз. (2-й завод 300 001—600 000 экз.) Заказ № 4219. Цена 65 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суворовский вал, 49.

Д38 **Детям о Владимире Ильиче Ленине: Сборник/**
Рис. Е. Мешкова. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1984. —
60 с., ил.

65 к.

В книге собраны стихи и рассказы о Владимире Ильиче Ленине

Д 4803010102—023 271—84
M101(03)84

3К26